

Научная статья
УДК 343.1
EDN YEZGXC
DOI 10.17150/2411-6122.2025.1.5-13

К вопросу о значении для суда мнения государственного обвинителя о назначении наказания по уголовным делам

С.С. Берников

Таганская межрайонная прокуратура, г. Москва, Российская Федерация,
tanina444444@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется ситуация, связанная с ролью государственного обвинителя в стадии судебного разбирательства. Одним из важных обстоятельств, подчеркивающих особую роль прокурора в суде, является предоставление ему права распоряжаться обвинением. Правовая позиция Верховного Суда РФ сводится к тому, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя. Этого нельзя сказать об учете мнения государственного обвинителя в части назначаемого наказания. Автор анализирует судебную практику, согласно которой суды указывают, что, принимая решение, они не связаны мнением государственного обвинителя, обосновывавшего назначение менее строгого наказания, которое учитывается судом в совокупности с другими обстоятельствами. В статье делается вывод, что указанная двоякая ситуация, когда мотивированное заключение прокурора в одном случае обязательно для суда, а в другом — нет, недопустима. Возникает парадокс, когда обвинительная позиция государства, характеризующаяся цельностью и неделимостью («признать виновным в совершении преступления, за которое назначить наказание»), фактически искусственно дробится на две части: признать виновным в совершении преступления и назначить наказание. При этом, обоснованная более мягкой позицией прокурора в отношении квалификации предъявленного обвинения (либо отказ от него) принимается судом безоговорочно, а мотивированное более щадящее наказание — отвергается.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, назначение наказания, состязательность, презумпция невиновности, недопустимость поворота к худшему, позиция государственного обвинителя.

Для цитирования: Берников С.С. К вопросу о значении для суда мнения государственного обвинителя о назначении наказания по уголовным делам / С.С. Берников. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.1.5-13. — EDN YEZGXC // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 1. — С. 5–13.

Original article

On the Significance of a State Prosecutor's Opinion Regarding Punishment for the Criminal Court

S.S. Bernikov

Taganskaya Interdistrict Prosecutor's Office, Moscow, the Russian Federation,
tanina444444@gmail.com

Abstract. The author examines the situation connected with the role of the public prosecutor at the stage of court inquiry. One of the significant circumstances underlining the special role of a prosecutor in court is granting them the right to administer charges. The legal position of the Supreme Court of the Russian Federation is that a full or partial withdrawal of charges by the public prosecutor during the court inquiry, as well as their mitigation, predetermine that the court's decision will be in accordance with the position of the public prosecutor. The same cannot be said for taking into account the opinion of the public prosecutor on the imposed punishment. The author analyzes the court practice according to which the courts state that, when making decisions, they are not bound by the opinion of the public prosecutor who substantiated a less severe punishment, and this opinion is taken into consideration alongside other circumstances. The author concludes that such a dual situation when the reasoned opinion of the prosecutor is obligatory for the court in one situation, but not in the other one, is inadmissible. It gives rise to a paradox where the accusatory position of the state, characterized by unity and indivisibility (“find guilty of the crime and impose a punishment”), is in fact artificially broken into two parts: find guilty of a crime, and impose a punishment. Besides, the substantiated milder position of the prosecutor regarding the qualification of the charges (or their withdrawal) is unquestionably admitted by the court, while a substantiated milder punishment is rejected.

Keywords: criminal proceedings, court hearing, sentencing, adversary system, presumption of innocence, inadmissibility of a turn for the worse, position of the public prosecutor.

For citation: Bernikov S.S. On the Significance of a State Prosecutor's Opinion Regarding Punishment for the Criminal Court. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2025, no 1, pp. 5–13. (In Russian). EDN: YEZGXC. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.5-13.

Осуществление правосудия только судом является одним из фундаментальных конституционных принципов российского правового государства (ст. 118 Конституции РФ), который находит свое закрепление и в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 8 УПК РФ). Независимость суда от мнения иных органов и лиц, а также самостоятельность в разрешении уголовного дела и определении судьбы подсудимого гарантируют вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора.

При этом именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание, применение законов и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Дискуссии о правах человека и гражданина, их соотношении с правами

общества и государства вновь приобретает новый ценностный смысл, как это уже отмечалось ранее в истории развития научной правовой мысли [1, с. 5–13]. Данная дискуссия характерна для любого этапа развития уголовно-процессуального законодательства, особенно в свете действия ст.6 УПК РФ в публичной отрасли права.

И материальное, и процессуальное право, развивая положения ст.2 Конституции РФ, закрепляют приоритет прав и свобод личности. Так, в качестве одной из задач уголовного права закреплена охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств, для чего установлены основание и принципы уголовной ответственности, определены виды преступлений и наказаний за их совершение (ст. 2 УК РФ). В свою очередь, назначение осужденно-

му справедливого наказания в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК). Однако не случайно ученые и ранее отмечали, что обеспечение прав и свобод личности могут остаться в ранге деклараций, если не будут четко выражены в законе должные гарантии обеспечения охраны и защиты прав и интересов участников уголовного судопроизводства [2, с. 25].

Давая оценку сложившейся судебной практике в части назначения судами наказания по уголовным делам, полагаю, что пришло время иначе взглянуть на данный вопрос в ситуациях несовпадения выводов суда с позицией участвующего в деле государственного обвинителя¹.

Множество принципов обуславливают сущность уголовного права и процесса, определяют их основные начала: законности, справедливости, равенства граждан перед законом, осуществления правосудия только судом, независимости судей и др. Их соблюдение, соотношение с ними своих действий являются ориентиром для участников уголовного судопроизводства и, в первую очередь, суда.

Так, Конституцией РФ (ч. 3 ст. 123) провозглашены состязательность и равноправие сторон при осуществлении правосудия.

Данный принцип реализуется и в уголовном судопроизводстве, где функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга, суд не является органом уголовного преследования, не выступает на сторонах обвинения или защиты, равенство

которых перед судом презюмируется (ст. 15 УПК РФ).

Несмотря на предоставленное законом процессуальное равноправие сторонам, государственный обвинитель занимает в уголовном процессе особое положение. Он является должностным лицом, поддерживающим обвинение от имени государства, обеспечивая его законность и обоснованность (ст. 37 УПК РФ). Совершенно справедливо отмечают ученые, что обоснование обвинения в суде — это исключительная прерогатива государственного обвинителя [3, с. 175]. Можно сказать, что это особая привилегия прокурора, вытекающая из его статуса, определяемая стоящими перед ним задачами и успешным осуществлением возложенных на него функций.

Приказом Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»² установлено, что участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства — одна из важнейших функций прокуратуры. Прокурорам предписано обеспечивать его квалифицированность, активность, профессионализм, способствовать принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения, соблюдению прав, свобод и законных интересов участников процесса. При формировании своей позиции относительно наказания руководствоваться требованиями закона (п.п. 1, 3.2 Приказа).

Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел в судах является важной гарантией реализации конституционных норм о соблюдении условий и порядка ведения уголовного судопроизводства,

¹ Здесь и далее проблематика будет раскрываться через призму уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, рассмотрение которых завершается вынесением обвинительного приговора с назначением осужденному наказания.

² Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 // СПС «Консультант Плюс».

что соответствует стандартам правового государства. Статус прокурора в суде первой инстанции определяется как его обязанностью от имени государства осуществлять уголовное преследование путем поддержания государственного обвинения, так и его правомочием обеспечивать законность и обоснованность данного обвинения в судебном разбирательстве уголовного дела.

Одним из важных обстоятельств, подчеркивающих особый правовой статус прокурора в суде, является предоставление ему права распоряжаться обвинением. На свободу распоряжения обвинением указывают ученые, обращая внимание на процессуальную самостоятельность государственного обвинителя при осуществлении своих полномочий [4, с. 133]. «Судебная трибуна — это та сфера деятельности прокуратуры, где отношения иерархической подчиненности, существующие внутри этого ведомства, уступают место ничем, кроме закона, не стесненному свободному волеизъявлению самостоятельного и полноправного участника судебного разбирательства», — отмечал в свое время В.М. Савицкий [5, с. 17].

Так, в соответствии со ст. 246 УПК РФ если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части. Государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для по-

становления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения.

Наличие таких правомочий подтверждает многосторонний характер участия прокурора в уголовном процессе, которое предполагает не только обвинительный, но и правозащитный характер. В этой связи А.А. Караева справедливо подчеркивает роль прокурора как гаранта конституционных прав и свобод, а его право распоряжаться обвинением — как инструмента формирования у общества уважительного и доверительного отношения к органам прокуратуры [6, с. 448].

Государственный обвинитель для обеспечения законности и обоснованности государственного обвинения должен способствовать всестороннему исследованию обстоятельств дела, поддерживать обвинение лишь в меру его доказанности. Его окончательная позиция должна быть независимой от выводов обвинительного заключения и основанной на результатах исследования обстоятельств дела в судебном заседании.

Правовой возможностью отказа прокурора от поддержания обвинения и прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренной ч. 7 ст. 246 УПК РФ, в теоретических исследованиях и в ходе применения правовых норм давалась разная оценка. В ряде случаев высказывалось мнение о выраженном проявлении в данной ситуации несамостоятельности суда и его безусловной зависимости от мнения обвинителя, в другом — о правомерности обязательного принятия судебным органом позиции прокурора.

При этом высказывалось утверждение, что «руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства» относится к основному правилу деятельности, принципу уголовного судопроизводства [7].

Точку в споре поставил Конституционный Суд РФ указав, что «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнения участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, а законность, обоснованность такого решения возможно проверить в вышестоящем суде»³.

Верховный Суд РФ в этой связи указал, что «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения предопределяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечивается обвинителем»⁴.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

⁴ О применении судами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // СПС Консультант Плюс.

Таким образом государственному обвинителю предоставлено мощное распорядительное, властное право — отказаться от обвинения полностью или частично, а также смягчить его. Конституционность данного правомочия подтверждена.

Суд, в свою очередь, не может отказать прокурору в реализации такого права. Он связан предложенными прокурором пределами, принимая во внимание невозможность ухудшить положение подсудимого. Правоприменительная практика идет по такому же пути.

Вместе с тем, обращает на себя внимание позиция о том, что «формально такая процедура противоречит принципам правосудия, поскольку суд должен выносить решение согласно внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью. Однако в этом в этом случае законодатель отступает от указанного принципа и заставляет судью принимать решение, которое основано только на внутреннем убеждении прокурора» [8].

Представляется верным мнение, что закон коренным образом изменил тип судопроизводства, сделав его подлинно состязательным и устранил возможность возложения на суд функции обвинения. В состязательном процессе обвинением распоряжается прокурор [9].

Интересно, что при назначении виновному наказания обязательность для суда более мягкой позиции прокурора не применяется.

Сторона обвинения в лице государственного обвинителя и сторона защиты в лице адвоката (защитника) и подсудимого, вступая в уголовный процесс, решают разные задачи. Так, цель прокурора, поддерживающего обвинение от лица государства, заключается,

помимо прочего, в том, чтобы виновный понес за совершение преступного деяния справедливое наказание. При этом должны быть учтены характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ст. 60 УК РФ).

Как верно отмечено Шадринной Е.Г. государство заинтересовано в назначении справедливого наказания виновным лицам, «что основано на нравственном назначении уголовного судопроизводства, имеющим целью в том числе защиту лиц от незаконного, необоснованного привлечения к ответственности, ограничения их прав и свобод» [10].

Выступая в прениях сторон и давая оценку действиям подсудимого, государственный обвинитель предлагает правовую квалификацию содеянного, а также вид и размер наказания. В случае его полного или частичного отказа от обвинения суд обязан последовать предложенной позиции и не вправе ухудшить ее, тогда как наказание вопреки предложению прокурора судом может быть усилено.

Сложившаяся судебная практика закрепила такой двойственный, неравнозначный подход (например, постановления Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2023 № 77-404/2023, Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2024 № 77-1658/2024, Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2021 № 77-4744/2021)⁵.

Суды указывают, что, принимая решение, они не связаны мнением го-

сударственного обвинителя, обосновывавшего назначение менее строгого наказания, которое учитывается судом в совокупности с другими обстоятельствами.

Представляется, что указанная двоякая ситуация, когда мотивированное заключение прокурора в одном случае обязательно для суда, а в другом — нет, недопустима. Сложившаяся правоприменительная практика в обоих случаях придерживается правила о недопустимости поворота к худшему.

Возникает парадокс, когда обвинительная позиция государства, характеризующаяся цельностью и неделимостью («признать виновным в совершении преступления, за которое назначить наказание»), фактически искусственно дробится на две части: признать виновным в совершении преступления и назначить наказание. При этом, обоснованная более мягкая позиция прокурора в отношении квалификации предъявленного обвинения (либо отказ от него) принимается судом безоговорочно, а мотивированное более суровое наказание — отвергается.

Такая ситуация обосновывается правоприменителем тем, что в первом случае не предполагается, не усматривается наличия нарушения принципов самостоятельности, независимости суда и законности при производстве по уголовному делу (даже в случаях, когда судья имеет иное противоположное мнение), а во втором — по умолчанию презюмирует их.

Невозможность применения вариативных подходов в указанной ситуации подтверждается и положениями ст. 299 УПК РФ, согласно которым при постановлении приговора в совещательной комнате судом дается процессуально равнозначная оценка как доказанности деяния, виновности в его совершении

⁵ Судебные и нормативные акты РФ // www:/https://sudact.ru/ (дата обращения 10.10.2024).

подсудимого, так и вопросу назначения наказания. Какой-либо приоритет законодателем в отношении разрешения судьей этих вопросов не установлен.

В этом контексте интересны для рассмотрения и положения о презумпции невиновности. Согласно ч. 3, 4 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого.

Минимальный и максимальный размер возможного для назначения наказания установлен санкцией статьи УК РФ, по которой осуждается виновное лицо. Одновременно применяются и иные специальные правила определения вида наказания и его размера (например, наличие смягчающих обстоятельств, исключительных обстоятельств и др.).

При этом документы, характеризующие подсудимого и дающие право рассчитывать на смягчение наказания, оглашаются и исследуются в судебном заседании по общим правилам уголовного судопроизводства, как и все другие доказательства, в том числе подтверждающие его вину.

Более того, нельзя не обратить внимание, что государственный обвинитель обязан мотивировать как отказ от обвинения либо изменение его в сторону смягчения, так и вид, и размер наказания.

И опять возвратимся к вопросу: почему в первом случае суд связан позицией обвинения, а во втором может назначить более строгое наказание? Означает ли это, что материалы уголовно-

го дела, дающие право рассматривать применение наказания, не связанного с лишением свободы, либо снижение его размера, противоречивы, недостаточны и по-разному толкуются прокурором и судом? Расценивается ли в такой ситуации позиция суда как сомнение в вопросе определения наказания? При положительном ответе на последний вопрос — можно ли распространить действие презумпции невиновности на такие случаи в совокупности с правилом о пределах судебного разбирательства, которые не позволяют изменять обвинение в судебном разбирательстве в случае ухудшения положения подсудимого (ст. 252 УПК РФ)?

Как представляется, в отношении полномочий суда при назначении наказания следует ввести правило «меньше можно, больше нельзя», что в полной мере будет соответствовать состязательности процесса.

Следует отметить, что УПК РФ не рассматривает обозначенные вопросы, относящиеся к фактам математических счетных ошибок государственных обвинителей при исчислении сроков наказаний (к сожалению, таковые имеются).

В связи с изложенным представляется необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве невозможность назначения подсудимому более строгого, чем предложено государственным обвинением, справедливого наказания, в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, и с учетом положений его Общей части.

Список использованной литературы

1. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство / В.Е. Чиркин. EDN QYXYUR // Государство и право. — 2002. — № 2. — С. 5–13.
2. Ефимичев П.С. Новый УПК России и защита интересов личности и государства / П.С. Ефимичев // Журнал российского права. — 2003. — № 2. — С. 25–29.

3. Куликов Д.А. Отказ прокурора от государственного обвинения и обязанность суда его удовлетворения / Д.А. Куликов. — EDN RIWQSN // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2013. — № 45. — С. 171–182.
4. Бабаев С.Н. Некоторые аспекты отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции / С.Н. Бабаев. — EDN SNLKJN // Судебная власть и уголовный процесс. — 2012. — № 1. — С. 132–142.
5. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде / В.М. Савицкий. — Москва : Наука, 1971. — 342 с.
6. Караева А.А. Актуальные вопросы теории и практики отказа прокурора от обвинения в российском уголовном судопроизводстве / А.А. Караева. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_446 // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 11(227). — С. 446–448.
7. Кругликов А.П. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства — принцип уголовного судопроизводства / А.П. Кругликов, И.А. Бирюкова. — EDN SZSHRX // Законность. — 2019. — № 2. — С. 38–42.
8. Гасанова У.Н. Отказ прокурора от обвинения как парадигма беспристрастности и объективности / У.Н. Гасанова. — EDN ZMJIPP // Законность. — 2017. — № 8. — С. 26–28.
9. Васильев А.М. Состязательное судопроизводство / А.М. Васильев, Н.А. Васильева. — EDN USOHYF // Администратор суда. — 2016. — № 4. — С. 9–14.
10. Шадрина Е.Г. Значение принципа процессуальной справедливости для уголовного преследования / Е.Г. Шадрина. — DOI 10.18572/1812-3791-2023-5-24-29. — EDN BZFIJO // Российский судья. — 2023. — № 5. — С. 24–29.

References

1. Chirkin V.E. Universal Human Values and Modern State. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2002, no. 2, pp. 5–13. (In Russian). EDN: QYXYUR.
2. Efimichev P.S. New Criminal Procedure Code of Russia and the Protection of the Interests of the Person and the State. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2003, no. 2, pp. 25–29. (In Russian).
3. Kulikov D.A. The Refusal of the Public Prosecutor to Press Charges and the Duty of the Court to Satisfy it. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera = Collections of Conferences of SPC Sociosphere*, 2013, no. 45, pp. 171–182. (In Russian). EDN: RIWQSN.
4. Babaev S.N. Some Aspects of the Refusal of the Public Prosecutor to Press Charges in the Court of First Instance. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2012, no. 1, pp. 132–142. (In Russian). EDN: SNLKJN.
5. Savitskii V.M. *State Prosecution in Court*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 342 p.
6. Karaeva A.A. Topical Issues of the Theory and Practice of the Prosecutor's Refusal to Charge in Russian Criminal Proceeding. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2023, no. 11, pp. 446–448. (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_446.
7. Kruglikov A.P., Biryukova I.A. Procedural Management of Criminal Prosecution by a Public Prosecutor on Behalf of the State — A Principle of Criminal Proceedings. *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 2, pp. 38–42. (In Russian). EDN: SZSHRX.
8. Gasanova U.N. Withdrawal of Charges by a Public Prosecutor as a Paradigm of Impartiality and Objectivity. *Zakonnost' = Legality*, 2017, no. 8, pp. 26–28. (In Russian). EDN: ZMJIPP.
9. Vasil'ev A.M., Vasileva N.A. Adversarial Proceedings. *Administrators suda = Court's Administrator*, 2016, no. 4, pp. 9–14. (In Russian). EDN: USOHYF.
10. Shadrina E.G. The Meaning of the Principle of Procedural Justice for Criminal Prosecution. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2023, no. 5, pp. 24–29. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3791-2023-5-24-29. EDN: BZFIJO.

Информация об авторе

Берников Станислав Станиславович — старший помощник Таганского межрайонного прокурора г. Москвы, юрист I класса, государственный обвинитель, Таганская межрайонная прокуратура, г. Москва, Российская Федерация.

Author Information

Bernikov, Stanislav S. — Senior Assistant, Tagansky Interdistrict Prosecutor of Moscow, Lawyer, 1st class, Public Prosecutor, Taganskaya Interdistrict Prosecutor's Office, Moscow, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 26.12.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.02.2025

Принята к публикации / Accepted 24.03.2025

Дата онлайн-размещения / Available online 28.03.2025